

УДК 82-31

*А.В. Флоря***БУНТ БЕССМЫСЛЕННЫЙ, НО НЕ БЕСПОЩАДНЫЙ.
ОБЪЕКТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РОМАНА Д. ГЛУХОВСКОГО «ТЕКСТ»**

Статья посвящена некоторым идейным особенностям популярного романа Д. Глуховского «Текст». Проанализированы два важнейших для романа понятия, отмеченные в заглавии: смысл мести и сострадание к врагам (пощада). В романе мы обнаруживаем противопоставления двух миров: реального и виртуального. Виртуальный мир – это неотъемлемая часть реального мира и строится по его правилам и законам. В этом романе абсолютно доминирует реальность с ее подлостью и жестокостью.

Ключевые слова: Д. Глуховский, «Текст», реальность, месть, «Граф Монте-Кристо».

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-335-344

– Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?
«Был!» – хотел крикнуть Клим и не мог.

* * *

В известной дозе кислоты так же необходимы организму, как и соль.
Чаадаевское настроение я предпочитаю слащавой премудрости
некоторых литературных пономарей.

А.М. Горький. Жизнь Клима Самгина

Роман Д. Глуховского «Текст», – по нашему мнению, произведение, типичное для переживаемого нами периода. Авторы таких книг – люди одаренные или даже талантливые, но они не удерживают единого уровня на протяжении всего текста. Некоторые фрагменты их произведений написаны художественно, некоторые – неаккуратно, некоторые и вовсе с матерщиной, вульгарной и бранной лексикой, с вербальной агрессией. Г. Юзефович говорит о «Тексте»: «Написанный с барочной цветистостью роман, тем не менее, нигде не переходит границу хорошего вкуса, ловко балансируя на самом его краешке» [4]. Если так, то в современной изящной словесности границы хорошего вкуса очень сильно расширились.

Чтобы истолковывать художественное произведение, мы исходим из презумпции его совершенства. То есть априори полагаем, что оно написано как должно, что автор нашел точные слова для выражения своего замысла. Но, читая современные книги, даже бестселлеры, мы часто сомневаемся в их совершенстве и, следовательно, в том, что авторы хотели сказать именно то, что у них написано.

Мы не находим «Текст» образцом литературного совершенства и поэтому сомневаемся, верно ли поняли автора. Может быть, он не во всем смог достаточно ясно выразить смысл произведения?

Например, когда погибшего главного героя Илью Горюнова, истыканного гранатными осколками, выносят из квартиры, автор находит это немного похожим на святого Себастьяна. Интересно, чем? Гранатные осколки на стрелы не похожи, ничего в духе этого святого Илья не совершил, и, наконец, (внимание!) святой Себастьян погиб не от стрел – он был побит камнями. Тогда к чему эта культурная аллюзия, которая не работает? (Заметим для сравнения, что в романе В. Дудинцева «Белые одежды» образ святого Себастьяна очень ясно корреспондирует с героями: он – тайный проповедник христианства, они – тайные распространители генетики; он – мученик за веру, они – мученики за научную истину. Можно спорить о корректности такого сопоставления, но оно имеет понятный концептуальный смысл.)

Другая культурная аллюзия, употребленная с явным аллегорическим смыслом, – иллюстрация Ильи к «Превращению» Кафки: получеловек-полунасекомое. То, что этот рисунок проецируется на Илью, Глуховский объяснил читателям почти откровенно. После убийства своего врага Петра Хазина Илья увидел в зеркале некое страшное насекомое. Итак, совершив преступление, он теряет человеческий облик – что ж, эту мысль можно понять. Ю.А. Гимранова усматривает в этом гротеск как элемент поэтики романа [1]. Но неужели эта трансформация была окончательной? Последнее, что делает Илья перед смертью, – пытается закончить, «довести до ума» свой рисунок. Даже «придумалось как»,

правда, «выходило херово» (просим прощения). Автор не удостоил читателей объяснением, что же Илье придумалось, остается догадываться самим.

Нельзя сказать, что Илья был раздавлен, как насекомое, потому что сам он сопротивлялся и встретил смерть «и зло, и гордо». Илья, конечно, не святой. Он всё глубже увязает в криминале, совершая убийство, мародёрство, пытаясь торговать наркотиками и даже решаясь на мошенничество – правда, по отношению к бандитам. И всё же читательское чувство сопротивляется тому, чтобы считать его низшим существом.

Очевидно, что завершение рисунка, «доведение его до ума» есть символ завершения Ильей его собственной жизни. А чем может быть завершение сюжета Кафки, если не смертью человекообразного насекомого? Но неужели Глуховский действительно хотел сказать, что Илья так и остался насекомым, до самого конца? Правда, перед смертью он почему-то призывает таракана в качестве «Харона». Значит, все-таки насекомое? Правда, потом автор сравнивает Илью со святым Себастьяном. В общем, у читателя может возникнуть когнитивный диссонанс. Хотя можно дать и такое очень остроумное объяснение: «Здесь важна именно идея завершенности превращения. Переживание трагедии отнимает у обычного человека шанс остаться обычным – он может либо спуститься до предельно нижней точки по “подвижной лестнице Ламарка” и стать “недочеловеком”, либо подняться до максимально верхней и стать сверхчеловеком, святым» [3]. Почему бы и нет, если интенция автора неясна. Но не получается: что же в поступке Ильи святого, если он, по его мнению, жертвует собой, спасая женщину, которую сам же и подставил под удар? И точно ли он совершил *самопожертвование*, вернув бандитам деньги? Возможно, он спас себя от жестокой расправы, о чем мы еще скажем.

Мы привели эти примеры, чтобы показать: мы затрудняемся объяснить, что хотел сказать своим романом автор, – возможно, потому, что он выражает это недостаточно корректно. Без претензии на понимание замысла романа мы попробуем прокомментировать то, что он может нам сказать *объективно*.

«Текст» считается бестселлером, видимо, потому, что остро ставит проблемы социальной несправедливости и мести, к которым не могут быть равнодушны люди нынешней России. Стало трюизмом называть эту книгу «современным “Преступлением и наказанием”», что, по нашему мнению, неверно, если только не переводить слово «современное» как «гораздо более слабое». «Текст» не имеет с романом Достоевского ничего общего уже потому, что Илья Горюнов совершил убийство спонтанно, не подводя под него никакого псевдофилософского обоснования, даже такого бездарного и безумного, как у Раскольникова. Кстати, вот еще одна неработающая культурная аллюзия, – правда, употребляемая не автором, а по поводу автора.

Впрочем, нечто Достоевское в романе есть. Илья, не претендуя на то, чтобы «право иметь», постепенно приходит к осознанию того, что он не «тварь дрожащая». Однако достигает он этого не через убийство своего врага Хазина, которого именует «*Сукой*», а через уничтожение самого себя. Возвратив бандитам полученные обманом деньги, он спасает Нину, любовницу Хазина, и теряет последнюю (иллюзорную) надежду на эмиграцию. Понимая свою обреченность, он спокойно, стоически движется к концу.

В этом романе принято видеть противопоставление двух реальностей – вот типичное заявление: «Перед читателем предстает авторская модель раздвоенного мира, первая часть которого принадлежит имеющим власть, деньги, важные знакомства (Петр Хазин), а вторая часть – бедным, честным и униженным (Илья Горюнов). С одной стороны, волшебная Москва, в которой возможны исполнения любых желаний, с другой – промышленный пригород, замеревший в своем развитии. Двоемирие очерчивает границы соотношения персонажей, четко различая людей одного пространства от другого. Так, Хазин, майор полиции, сын генерал-майора, торгующий конфискованными наркотиками, противопоставлен Горюнову, недоучившемуся студенту, сыну учительницы, пытающемуся отстоять свою честь» [1].

Заметим, что Москва отнюдь не всегда «волшебна», это *видимость*. Иногда она предстает в непарадном облике, например: «Москва стояла сейчас как голое ноябрьское дерево – влажная, темная» [2, с. 8]; «Москва днем казалась гордой, а ночью – несчастной» [2, с. 51].

Ю.А. Гимранова употребляет термин «двоемирие», которым обычно характеризуется *романтическая* литература. На самом же деле такое «двоемирие» присутствует в любом *реалистическом* романе о капитализме (как, например, «Богач, бедняк» И. Шоу). Свообразным эрзацем романтического другого мира выглядит Колумбия, куда хочет сбежать Илья и не сбегает. «В описаниях экзотических пространств постоянно сквозит мысль об их иллюзорности» [3].

Уместнее было бы говорить о других двух мирах: реальном и виртуальном. Главная идея романа, по-видимому, состоит в том, что этих двух миров *нет*. Как в философии Парменида, существует только бытие, и оно единственное, а сознание есть то же бытие. Невозможно убежать от действительности в виртуальный мир. Невозможно из виртуального мира пытаться изменить реальный. Напротив, виртуальный мир подчиняется подлой, жестокой реальности, выстраивается полностью в соответствии с ней, и герой приходит – в реальном мире – к подлинной гибели.

Иное дело – что реальный мир *иллюзорен*, т. е. насквозь фальшив и пуст, это *мнимая реальность*, о чем мы еще скажем. Одна из блестящих метафор тотального вранья – дикторша в телевизоре с отключенным звуком. Она напоминает рыбу в аквариуме со спущенной водой, вещающую, как хорошо жить без кислорода [2, с. 46].

То, что в этом произведении одна реальность, а не две, существенно, потому что двоемирие – фундаментальная черта романтизма, к которому относится классический сюжет о возмездии бывшего узника, – «Граф Монте-Кристо», о чем тоже будет сказано. У Глуховского в «Тексте» двоемирия всё же нет, и от «Монте-Кристо» он бесконечно далек.

На наш взгляд, Глуховский некорректно сформулировал одну из основных идей книги: невозможно вернуться к прежней жизни. Сам Илья говорит: «Нельзя вернуться никуда» [2, с. 62].

Но мы сформулировали бы этот аспект иначе, в прямо противоположном смысле: вернуться как раз можно – в *никуда*. К чему, собственно, было возвращаться? Чем была его жизнь до посадки? Конечно, в сравнении с тюрьмой любая жизнь прекрасна, но какова она сама по себе? Мы практически повторяем слова из романа: «Сидишь, кажется – только снаружи все подлинное. Выходишь – фальшак» [2, с. 53]. Действительность, в которой обитают персонажи, описывается как иллюзорная, это «неподлинное бытие» в терминологии экзистенциалистов.

Допустим, что на пути Ильи не встретился бы «Сука» – Хазин, и Горюнов не попал бы в тюрьму на семь лет. Какой тогда была бы его жизнь? Он закончил бы МГУ и стал бы преподавать русский язык и литературу (если, конечно, ему вообще удалось бы устроиться на работу), т. е., подобно его матери, влачил бы убогое существование. Впрочем, был ли мальчик – с филологическими наклонностями? Похоже, что нет: натасканный своей маменькой по ЕГЭ, поступил на филфак. Потом оказывается, что Илья желает стать художником. Точно ли это его призвание? Мы не знаем. По крайней мере, последнее, что он делает перед смертью, – занимается рисованием. Как это выходит – см. выше (т. е. *х...ово*).

Возможно, Горюнов нашел бы счастье в любви? У Ильи с его подружкой Верой не было будущего. Дело не в том, что она легко приняла жертву Ильи, что не стала ждать его. Но она не нашла ни одного доброго, просто человеческого слова для вернувшегося Ильи. Поначалу она не придумала ничего умнее, как обвинить в его несчастье его же самого. А когда он опроверг ее словоблудие, сказав, что спас ее еще и от насилия, она даже спорить не стала, выдав очаровательное по цинизму и подлости заявление: «Может, я тварь. И что?». Вера даже не лицемерит, а нагло декларирует право на бесчестье. Конечно, можно сказать, что Илье просто не повезло, что это случайность. Но Вера, с ее абсолютным эгоизмом, бесстыдством, бездушием, – это скорее закономерность, типичнейший продукт антисоветского строя. Не будь этой Веры, на пути Ильи встретилась бы другая (она ему, собственно, потом и встретилась, в обличье Нины).

Милая парочка – Илья и Вера – подверглась милицейскому произволу в вертепе под названием «Рай». Чтобы оказаться в этом «раю», они специально приехали из Лобни в Москву, прошли унизи-тельный фейс-контроль. Для чего? Посмотреть на «какого-то супермодного шведа» и олимпийскую сборную по синхронному плаванию – в «лягушатнике» (по выражению Ильи). И что же – получили райское наслаждение? Вряд ли, судя по описанию происходящего, а вернее, по его почти полному отсутствию: *описывать нечего*.

Можно, конечно, задать наивный вопрос: а почему интеллигентные молодые люди, приехав из Подмосковья, отправились в кабак, а не в какой-нибудь московский театр? Нас озарила догадка: может, они вовсе не интеллигентные? А однокурсники Ильи – филологи? Почему-то они тоже не рвутся в театр, не жаждут увидеть, «как играют овраги, как играет река» (Б. Пастернак), чтобы их «холодное я исчезло в пламенном эфире любви» (В. Белинский). Это вам не советские времена.

Знаком того, что жизнь за семь лет, когда Илья сидел в тюрьме, *как бы* меняется к лучшему, может служить приятель героя – Серега. Он относится к нижнему слою «среднего класса» и наслаждается жизнью: летал с женой в Шри-Ланку развлекаться серфингом, приобрел квартиру – правда,

в ипотеку, купил машину – правда, в кредит. *Заработать* на жизненные блага как-то не получается. Заметим, что Серега не может даже увлекательно рассказать об этом серфинге, передать свой восторг, зато делает важное признание: как будто никуда и не летал, потому что потом пришлось отрабатывать в потогонном режиме. (Правда, девушка из турагентства Гуля рассказывает о разных странах довольно ярко и увлекательно – так ей это положено по должности.)

Итак, если мы вычтем из романа, вынесем за скобки всё экстремальное содержание – всё, что связано с тюрьмой, убийством, вмешательством Ильи в дела Хазина, – то практически все остальные сферы, с которыми так или иначе связана жизнь персонажей, оставят единственное впечатление – *пустоты и скуки*. Ничто ни у кого не вызывает подлинного интереса, не имеет ценности, не оставляет памяти по себе, обо всём этом нечего сказать.

Автор завершает роман замечанием о людях, от которых не остается ничего. К ним, конечно, относится Илья. Автор как бы подсказывает нам вопрос: да был ли мальчик-то? Мы сказали бы, что именно *мальчик* и был, но так и не повзрослел. Не имел ничего настоящего: ни профессионального интереса, ни друзей, ни любви. После тюрьмы возымел идиотическое желание объясниться с Хазинным – интересно, что он хотел услышать? Неужели покаяние? Потом совершил убийство – деяние еще более идиотическое, последующие его действия и вовсе повергают в изумление.

Теперь остановимся, насколько возможно, на теме возмездия, которое в данном романе воплощается в убийстве. Зарезав Хазина, Илья не чувствовал удовлетворения из-за утоленной мести, восстановления справедливости и т. п. «Нет, ничто там вчера не восторжествовало. Просто подонок сдох» [2, с. 61].

Обратим внимание на важный момент: таково морально-психологическое состояние студента-филолога, пусть бывшего. Филолог обязан помнить о «Преступлении и наказании», лучше других должен знать о последствиях убийства. Пример Раскольников именно филолога должен удержать от преступления. Но ничего похожего на переживания Раскольникова Глуховский нам не предъявляет.

Раскольников убивает старуху-процентщицу не из мести, но по «идейным» соображениям. По Достоевскому, он преступает заповедь «Не убий» и разрушает свою органическую связь с людьми. Убийство недопустимо потому, что это бунт против божьего закона.

Однако этот аргумент не действует на атеиста, который отвергает убийство просто по экзистенциальным причинам, т. е. безо всяких причин. Оно противно природе нормального человека, а почему именно – неважно.

Но как трактовать убийство Горюновым Хазина – мерзавца, ради прихоти и ради карьеры сломавшего жизнь невинному человеку? Мерзавца, который продвигался по карьерной лестнице, наслаждался жизнью и, видимо, губил и другие судьбы – тоже без комплексов. Это видно хотя бы по тому, что Хазин был готов посадить Илью и во второй раз, не узнав его, т. е. опять был готов походя сломать жизнь незнакомому человеку. Илья убил Хазина в пьяном пароксизме ненависти и заодно спасая себя от второй посадки. Он не раскаивался и не жалел Хазина, и читателям это понятно.

Далее Глуховский, на наш взгляд, совершенно неуместно и неубедительно «очеловечил» образ «Суки»: оказывается, тот долго не мог забыть посаженного им студента – Илью (о, как трогательно!), мучительно любил Нину и ради нее пренебрег дочерью замминистра, которую (дочь) сделал наркоманкой и бросил (высокие отношения!), страдал от тирании своего гнусного отца. В общем, Илья стал испытывать к нему что-то вроде сочувствия.

Очень похоже, что сам Илья (= автор) в это не верит. В начале романа Илья, возвращаясь домой, говорит попутчику, что простил врага и теперь хочет «пожить». Но потом оказывается, что «прощение» было условным: если *бы* Илья смог вернуться к нормальной жизни – а вернулся в тупик [2, с. 48]. И еще Илья ближе к концу романа сознается, что он на зоне годами молил Бога о наказании врагов, «стучал» Богу на них.

(Здесь есть один тонкий момент: он вёл себя как тюремный *стукач*, на аргю именуемый «*сукой*». Через это общее для него с Хазинным словечко он сближается со своим врагом, пока еще не заступает на его место, но это замещение как будто предсказывается. Хазин именуется «Сукой» потому, что он сделал зло Илье, а Илья символически становится «сукой» – доносчиком – потому, что желает Хазину зла. По-видимому, таким образом Глуховский дает *отрицательную оценку мести*.)

Итак, не стоит верить главному герою, когда он говорит, что простил врага. Вот и ближе к финалу возникает взрыв ненависти к Хазину и его семье уже после мысленного примирения с ним и «возвращения» ему айфона [2, с. 308-309]. Однако Глуховский выступает *против мести*, и его пози-

ция не вызывает сомнений. Пока оставим в стороне отношение к врагам, вопрос о добрых чувствах к ним, а также об их прощении.

Юридически всё ясно: убийство есть убийство. Но мы попробуем оценить действия Ильи с других точек зрения – прагматической и моральной. Прагматические последствия мести Ильи Горюнова – пагубны. Илья вмешался в то, чего он не знал: в сложные криминальные отношения, в запутанный клубок хазинских деяний, среди которых были и уголовные. Илья, присвоив личность Хазина, стал наркодилером (т. е. теперь его можно было бы посадить за дело), виновником смерти наркомана Гоши от передозировки. Из-за Ильи сорвалась сделка с мафиози, т. е. операция по разоблачению преступной группировки. По той же причине он чуть не погубил Нину. Эту старую и хорошо известную максиму «Зло порождает зло» Глуховский показывает вполне убедительно.

Подводит ли нас автор к мысли, что лучше было оставить всё без изменения? Как выяснилось, Хазин с большой вероятностью мог запутаться в собственных играх и сломать себе шею. Возможно, к этому всё и шло. На него заводили уголовные дела, шантажируя его отца, – значит, его в принципе могли посадить, и было за что посадить. Хазина однажды чуть не убили бандиты. Возможно, и замминистра дожидался удобного момента, чтобы отомстить ему за дочь. То есть положение врага Ильи Горюнова было нестабильным и опасным.

Как сказал Марк Аврелий, лучший способ мести – не уподобляться своему врагу. Илья, завладев маской Хазина, ведет себя амбивалентно. С одной стороны, он вынужден уподобляться врагу, копирует хамскую манеру его речи, тем самым деформируя собственную личность. Какую? Был ли мальчик – благородный, честный, порядочный, – личность которого Илья уродует? Безусловно, был. Он защитил Веру и спас ее от тюрьмы и еще худшего. Он не предал своего тюремного товарища Бориса Ивановича. Однако смущает легкость, с которой благородный юноша движется по пути зла. У него явно слабый иммунитет.

Бунт Ильи совершенно бессмыслен. Зарезав мерзавца, Горюнов не пресек его преступлений: торговать наркотиками и подбрасывать их невиновным будет кто-нибудь другой, и, конечно, с большой охотой. Зато Горюнов осложнил дела «Суки»: поставщик наркотиков не оставил «товара», который намеревался передать только Хазину, из-за чего Нина чуть не погибла, как заложница. По этому поводу Илья мысленно произносит, на наш взгляд, очень нелепый монолог, обращенный к каким-то «милицейским генералам» (почему *милицейским* в 2016 г.? – А.Ф.): «Это вам наказание, вам расплата – я о ней из Соликамска просил, я Богу на вас стучал, и он вот: натравил на вас беспредельщиков» [2, с. 308]. И дальше: «Только вот по той же б...ской пищевой цепи они сначала Нину схарчат (у Глуховского матерщина дается без сокращений – А.Ф.), (...) а только потом уже пойдут искать Хазина». При чем здесь «милицейские генералы», непонятно (тем более что Хазина патронирует другая организация, и *Горюнову это известно!*): бандиты пошли бы искать Хазина, а не его начальство. Кроме того, Хазин уже неделю был мертв. То есть то, что сделал Горюнов, имело бы роковые последствия *только для Нины*. Илья видит в этом божью кару, но неужели это Всевышний придумал такое абсурдное наказание, что пострадала бы только ни в чем не повинная женщина? Илья именно о такой расплате молил Бога? Это всё к вопросу о том, как Глуховский формулирует свои мысли и как трудно его интерпретировать.

Итак, судя по результатам, убийство Хазина сильно ухудшило общую ситуацию. Кроме того, как мы уже говорили, Илья втянулся в целый ряд преступлений и поэтому уподобился своему врагу. Причем уподобился даже стилистически, вынужденно принимая мерзкую и хамскую манеру его речи, чтобы его (Илью) не разоблачили. Вынужденная идентификация с «Сукой» ведет Горюнова к деградации. То есть он усугубил бессмысленность своих действий еще и нравственным падением.

С другой стороны, Илья изменяет образ Хазина – к лучшему. Своё вынужденное зло он старается хоть как-то искупить, делая добро от имени Хазина его родителям и Нине. **И вот это, на наш взгляд, самое феноменальное, самое изумительное в романе.** Илья *не по своей воле* вступает в отношения с родными Хазина и с Ниной и убеждает их, что «Петя» жив. (Переход наименования Хазина с «Суки» на «Петю» в дискурсе Ильи, конечно, показывает, что Илья постепенно меняет отношение к своему врагу: воспринимает его как человека – сначала плохого, а потом неоднозначного и запутавшегося. Потом возникает эмпатия, сострадание, а потом, видимо, приходит и прощение.)

Общаться с этими людьми Илья должен как можно более реалистично. Поддерживая и углубляя эти отношения, вживаясь в роль «Пети» Хазина, Илья Горюнов постепенно проникается вполне искренним состраданием к этим людям и от имени «Пети» пытается урегулировать их жизнь. Веро-

ятно, автор это трактует как зарождение любви к врагам. Но мы видим в этом другое: изрядное фари-сейство по отношению к людям, сына которых (или сожителя, если речь идет о Нине) Илья убил. Его поведение выглядит своего рода «извинением» перед ними, но мы надеемся, что они не оценят его «святой» (?) лжи. Как ни странно, он это осознаёт и сам: «И всё, что ты им тут наплел, добряк, расползется к е... (...) Поймут они, что он убит (...) Что убийца вместо их сына просил прощения, за любимого делал предложение. Поймут они, что это не кривляния были, не глумление? Нет, не поймут (...)». И наконец: «Кайся сколько хочешь – они бы лучше твой хрип послушали» [2, с. 296].

Илья попытался посмертно сделать Хазина тем, кем тот не был при жизни, – порядочным человеком. Он очеловечивает мерзавца и, в том числе, завершает благое дело, на которое Хазин не решился: отправляет его письмо и тем самым побуждает Нину отказаться от аборта. (На сей счет Илья не обольщается, полагая, что даже если гнилая семейка Хазиных примет ребенка, то воспитает его такой же дрянью, как его отец [2, с. 309].)

Наконец, Илья совершил безумный поступок, который, по-видимому, стал для него роковым: «возвратил» покойнику телефон, т. е. выбросил его не в Москву-реку, а в коллектор, где лежал труп. Илья не успел закрыть люк, труп был обнаружен и т. д.

Мотивировка у этого поступка самая изумительная: если айфон пропадет, станет ясно, что все добрые поступки от имени Хазина совершил самозванец. Отдавая должное прекраснородушию Ильи, признаём абсолютную бессмысленность этой акции. Во-первых, айфон уже пеленговали, и, видимо, давно – Илье долго не приходило в голову, что он «засветил» себя!

Во-вторых, Хазин не заслужил доброй памяти. А его родители и сожительница не нуждаются в благодетельных иллюзиях на его счет: они любят его сколь угодно плохим, любят его «черненьким».

О том, что Хазин без вины отправил Илью в тюрьму, знал его папенька и не выразил ни малейшего осуждения – напротив, ругал сына, который об этом слишком долго не мог забыть (что не означает: «раскаивался»). Мать «Петеньки», при всей ее глупости, понимает, что он занимается грязными и, видимо, противозаконными делами. Понимает она также, что ее сыночек *сам выбрал* «такое дело, в котором чистым остаться нельзя» [2, с. 287]. И она заявляет, что всегда на стороне своего «Петеньки», да и уверена, что ничего «по-настоящему страшного» он сделать не может.

Примерно так же, только более цинично, к «Пете» относится Нина – грязная девица, в которую имел глупость влюбиться Горюнов. Девицей мы называем ее из приличия. «Петя» (он же «Сука») нежно именует ее «сучкой», с чем она охотно соглашается, настаивая и подчеркивая: «*твоя сучка*» [2, с. 92]. Их «собачье» совокупление «Сука» заснял на телефон, и это селфи, когда «уже не были они людьми» (!), Илья созерцает, занимаясь мастурбацией. Разумеется, это символическая деталь, но ее глубинный смысл – как и многого другого в романе – нам неясен. Несомненно, Илья таким образом соучаствует в этом собачьем совокуплении, но в качестве кого? То ли он и здесь тоже замещает «Суку» («Должен был чувствовать то, что Сука чувствовал (...) Зажмурился. Открыл глаза – Петины») [2, с. 92]. То ли подключается к этому позорищу третьим – как раз непосредственно перед совокуплением они полушутя говорили о том, что неплохо бы заняться групповым сексом. Во всяком случае, Нина в угаре похоти повторяет, что она «сучка», принадлежащая Хазину. Следовательно, Горюнов обладать ею не может. Высокие отношения...

Иными словами, она – с Хазиным, она его «зверски любит» [2, с. 293] – вернее было бы сказать: скотски, – хотя знает ему цену. (Нина выражается так: «*Ты ужасное г..., но я тебя зверски люблю*». По нашему мнению, «г...» в этом романе вообще переизбыток – к вопросу о добром вкусе, границы которого, по мнению Галины Юзефович, нигде не переходит автор.)

Илья отдает себе отчет в том, что все эти люди ему враги, что они охотно услышали бы его хрип – *предсмертный*. Враги даже не потому, что он убил «Петю», о чем они еще не знают. Они враги потому, что *на стороне Хазина, что бы тот ни сделал*. Илья не дождался бы от них сострадания. И вот он проникся к этим людям сочувствием, попытался подарить им светлый образ сына (и любовника – для Нины) и ради недостойных людей обрек себя на смерть.

Оговорим этот момент подробнее. Считается, что Илья пожертвовал собой ради Нины. Об этом прямо сказано в тексте. Илья мысленно обращается к матери: он хотел бы спасти и ее, и Нину, и себя, и «Петю» (!), но можно было кого-то одного, и он выбрал Нину [2, с. 314], он обменял ее на себя [2, с. 308]. Позволим себе в этом усомниться. Никакого подвига, даже «бесславного» и «идиотского» [2, с. 309], мы здесь не усматриваем. Во-первых, он сам же и подставил Нину под удар. (Изначально был виноват, конечно, Хазин, своими авантюрами подвергавший близких опасности. Это понимает и

Горюнов, однако выражается опять как-то странно: «Ты своей беременной бабой прикрываешься» [2, с. 308]. Почему *прикрываешься*, а не *подставляешь* ее? Но точность формулировок – не главное достоинство прозы Глуховского. Итак, изначально виноват Хазин, но в данном случае основная вина – Илья.) Во-вторых, разве Илья, обманув бандитов, не подверг себя риску *мучительной* смерти, от чего *избавился*, вернув деньги? Почему он не допускал, что мафиози найдут его до вылета в Колумбию?

Нет, он погубил себя днем раньше, когда выбросил в коллектор телефон, чтобы создать иллюзию, будто «Петя» был убит недавно. Иначе все поняли бы, что айфоном пользовался убийца. «И тогда вместо мира, который он попытался за Петю с ними заключить, вместо покоя ему (Илье – А. Ф.) будет ему незабываемая тоска, а им всем – ужас и никогда не закрывающаяся язва» [2, с. 298]. (Не *закрывающаяся*! Об этих футуральных причастиях писал М.Н. Эпштейн, задавая вопрос: есть ли будущее у причастий будущего времени? [5]. Как видим, есть. Мы тоже касались этой темы в своей «Русской стилистике»). Здесь мы выразим недоумение: с чего Илья всё это взял? Даже если бы эксперты не определили время смерти Хазина, то следствие могло предположить, что Хазина убили на неделю позже, что телефоном всё это время пользовался он, а убийца выбросил телефон. Так ради чего Илья окончательно подписал себе смертный приговор?

Но мы очень надеемся, что и на сей раз подлинная реальность победила виртуальную, т. е. воображение Горюнова, и его усилия по облагораживанию «Суки» пропали даром. Что экспертиза установила время смерти Хазина, и в душах его родителей и Нины остались вечный ужас и «никогда не закрывающиеся язвы».

(Отметим еще один момент, усугубляющий загадочность авторской позиции. Д. Глуховский – сценарист фильма К. Шипенко. Значит, он автор очень странного финала, где Нина и ее дочь посещают могилу Ильи. Как это понять? Возможны только две версии, от силы три. Первая – самая фантастическая: Нина чтит память человека, спасшего ее ценой своей жизни. Но, разумеется, узнать об этом Нина не могла. Вторая версия: Нина чтит память человека, удержавшего ее от аборта. Между прочим, это должно означать, что все «благие» усилия Ильи провалились, и было установлено, кто на самом деле переписывался с Хазинными и Ниной. Причем Нина должна думать, что *то самое* письмо, посланное ей в больницу, написано Илеей. Правда, Нина должна бы ненавидеть его, как убийцу «зверски любимого» ею «Пети», так что и эта версия неубедительна. Остается последняя, третья: Нина никого не чтит, это предсмертные видения Ильи. Можно это предположить? Почему бы и нет? Это раньше кинематограф умел показывать видения и сны так, что это было понятно, а теперь они от яви неотличимы. Почему бы не сказать «про не-сон, что это сон, как сон – про не-сон?»).

Илья потерял семь лет жизни. Потом потерял мать. Его жизнь искорёжена. И вот он отдаёт остаток жизни на то, чтобы у его врагов сохранилась светлая память о его главном враге. Он принес жизнь им в жертву. Это даже не стокгольмский синдром – для такого у нас уже нет слов. Но, может, автор нашел слово? В пьяном объяснении с Верой после возвращения Ильи орет: «Я что, терпила?!». А что – нет?

Итак, бунт Ильи Горюнова был бессмысленным, но не беспощадным. Дело, разумеется, не в том, что следовало расправиться с родными «Суки» и оставить Нину на растерзание бандитам, – ни в коем случае. Но и нежные чувства к близким «Пети» Хазина в высшей степени странны. Представим себе графа Монте-Кристо, который, карая злодеев, щадил бы хрустальные чувства мадам Данглар, мадам де Вильфор или даже Мерседес! Надеемся, что Илья не достиг своих «благих» целей. Зато именно этим он усугубил бессмысленность своих действий до крайности и погубил себя.

И, наконец, затронем еще один вопрос. Не ясна *общая* интенция автора. Глуховский продемонстрировал тупиковость данного варианта *места*, но значит ли это, что он отвергает *возмездие* – понятие более высокое: наказание, кару, воздаяние за зло? Во всяком случае, об этом автор не говорит.

Идеальным было бы возмездие в духе упомянутого графа Монте-Кристо: обернуть против злодея его собственное зло. Эта тема давно и многократно отыграна в российской массовой культуре. Лучшей карой было бы, если бы Хазина с позором изгнали из органов и отправили в тюрьму на долгий срок, учитывая его многолетнюю преступную деятельность. Остап Бендер безо всякой профессиональной подготовки и без интернета смог собрать досье на Корейко (правда, Бендер сам говорит, что графа Монте-Кристо из него не вышло, но у него и так не было ничего общего с этим героем: он не сидел в тюрьме – долго, никому не мстил и *вообще* никого не наказывал).

Впрочем, в модификациях «монтекристовской» темы информация о враге может не играть роль компромата. Обычно грехи негодяя хорошо известны его покровителям, исповедующим принцип

«Это, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын». Мститель использует информацию для того, чтобы вынудить врага совершить что-то такое, что лишило бы его покровительства патронов, и они сдали бы его правосудию.

Мог бы это обеспечить Илья, собрав информацию на Хазина (и, добавим, не заботясь о переживаниях его родителей и Нины)? Мы не сомневаемся, что для Ильи Горюнова роль графа Монте-Кристо была бы невероятной. Глуховский вообще не рассматривает такую возможность.

А можно ли было добиться справедливости по закону сразу, не после отсидки? Автор показывает, что и следствие, и суд велись с вопиющими нарушениями. Можно ли было наказать по закону тех, кто был причастен к посадке Ильи? Постфактум, судя по делу человека с несколько похожим именем – *Ивана Голунова*, – это было не совсем безнадежно (сходство случайное: роман написан двумя годами ранее, в 2017). Здесь многое зависело от матери Ильи. Она могла бороться за сына, обратиться к друзьям по несчастью, к хорошему и честному адвокату, к правозащитникам, на соответствующие интернет-ресурсы и т. д. (между прочим, у мамыши были *адвокаты* – во множественном числе! – и они ей советовали «занести», т. е. дать взятку. Может, лучше был бы один адвокат, но хороший? Неужели никому не пришло в голову, что отпечатки пальцев Ильи на пакетиках с кокаином – не доказательство, ибо они *единственные*, а Илья сам вынул пакетики из кармана?). Да, шансы были невелики, но мать даже не попыталась. Она сразу покорила судьбе и только слала сыну смиренные письма, умоляя его «отсидеться в своем внутреннем кармашке» и «остаться человеком».

(Скажем несколько слов о маменьке. В фильме К. Шипенко несчастья Ильи начались с того, что он не послушал маму и отправился с подлой девицей в гнездо разврата. На наш взгляд, роль матери в судьбе Ильи совсем иная – прямо противоположная и, мы бы сказали: *метафизическая*. Ведь маменька относится к тому поколению, которое погубило Советский Союз. Одни его уничтожали, другие этому радовались, третьи это молча приняли. Маменька скорее всего относилась к последним. Такие люди и определили будущее своих детей. Надеялись приспособиться, притерпеться, отсидеться «во внутреннем кармане», но не вышло).

Итак, Илья и его мать не только изначально считают себя обреченными, но даже проявляют неуместное сочувствие к тем, кто уничтожил их жизнь, отчего роман может оставить ощущение полной безнадежности.

Теперь попробуем сформулировать то впечатление, которое объективно сложилось у нас.

Первое. Может, идея романа и состоит в зависимости современного человека от виртуального мира, но мы видим в этом скорее образ оторванности от мира реального (это похоже, но не совсем то же).

Второе. На взгляд автора этих строк, самое значительное в романе – это воистину феноменальная, изумляющая воображение эмпатия героя к тем, кто изуродовал ему жизнь, из-за кого он преждевременно лишился матери, эмпатия вплоть до самопожертвования. Повторяем и трижды подчеркиваем: по нашему мнению, Илья *де-факто* окончательно погубил себя не ради спасения Нины, а ради семейства Хазиных и, *главным образом*, самого «Пети». «Чтобы Петины извинения были приняты, раскаяние зачтено; чтобы любовь его еще позвенела в воздухе хоть сколько-нибудь лет. Нельзя было у Пети еще и эту неделю отобрать» [2, с. 298]. Феноменальнее этого только любовь оруэлловского Уинстона Смита к Старшему Брату.

Третье. Критики говорят о трагизме этого романа, о трагедии героя. Мы полагаем, что трагедия здесь принципиально отсутствует. Трагедия – это героическое сопротивление превосходящим силам, а самая гибель героя знаменует его нравственную победу. Ничего катартического в данном сюжете мы не усматриваем. Не усматривает и Горюнов, называя свой «подвиг» «бесславленным идиотством» и считая, что поступил не «красиво», а «как м...» [2, с. 309, 310].

Мы полагаем, что Илья Горюнов – человек с добрыми задатками, но без убеждений, без стержня, вполне типичное дитя «эпохи». В детстве он с таким же недоумком из любопытства убил кота. Мать выдрала его. Он сделал выводы и *котов* больше не убивал – он убил, как известно, «Суку». Но его фундаментальные черты – безответственность, недомыслие – остались с ним. Он поступил по ЕГЭ на филфак МГУ, но к филологии равнодушен. Настоящих друзей у него нет. Настоящей любви – тоже. Он предается убогому тинейджерскому разврату с дрянью по имени Вера. Потом они зачем-то отправляются в московский вертеп, толком не имея представления, что там происходит. Это, конечно, не преступление, но кто его гнал в притон, где с большой вероятностью можно было нарваться на что-то скверное? Он и нарвался. Семь лет в заключении он провел куда бездарнее, чем Эмон Дантес годы в замке Иф. И т. д., и т. д.

Тюремный опыт Ильи был, так сказать, «по-шаламовски», сугубо отрицательным. Но и без него жизнь Ильи была бы ненамного лучше. Роман завершается словами о людях, «от которых не остается ничего» [2, с. 319]. Они вызвали у нас воспоминание о культовом советском фильме «Жил певчий дрозд» О. Иоселиани. Его герой Гия Агладзе не сидел в тюрьме, а вполне благополучно жил, срывая цветы удовольствия. От него не осталось ничего, кроме вбитого в стену гвоздя. Но порхание Гии по жизни выглядит полным света и смысла рядом с унылым и никчёмным прозябанием Ильи Горюнова до тюрьмы.

«Текст» не трагедия, а катастрофа. Дикие поступки Ильи – это судороги отчаяния от принципиального неверия в борьбу за справедливость. Бесплоден индивидуалистический бунт, бессмысленна и эмпатия к врагам, не достойным этого, да и не нуждающимся в этом. Вместо разумной, цивилизованной, юридически грамотной борьбы за свои права и за правду – безобразный бунт в виде пьяного убийства и последующей агонии, метаний между несовместимыми крайностями.

В жизни Ильи не было ничего настоящего, так что он легко бросается в эти крайности. Инфантильный юноша не только позволил врагам пустить его жизнь под откос, но еще изо всех сил подтолкнул ее. Такие люди обречены на поражение. Ценность же романа в том, что он побуждает обо всем этом задуматься, в том числе и своей загадочностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимранова Ю.А. Гротеск в романе Д. Глуховского «Текст» // Уральский филологический вестник. Сер. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grotesk-v-romane-d-gluhovskogo-tekst/viewer>.
2. Глуховский Д. Текст: роман. М.: АСТ, 2020. 320 с.
3. Гримова О.А. Визуальное vs вербальное в повествовательной структуре романа Д. Глуховского «Текст» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 12. С. 336-339. / [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-vs-verbalnoe-v-povestvovatelnoy-strukture-romana-d-gluhovskogo-tekst/viewer>.
4. Дмитрий Глуховский становится большим писателем, а Ольга Брейнингер – надеждой русской литературы: Галина Юзефович – о двух книгах-событиях на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://meduza.io/feature/2017/07/01/dmitriy-gluhovskiy-stanovitsya-bolshim-pisatelem-a-olga-breyninger-nadezhdoy-russkoy-literatury>.
5. Эпштейн М.Н. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 24-28 мая 2007 г.) / под ред. Н.А. Фатеевой. М.: Институт русского языка РАН, 2007. С. 259–266.

Поступила в редакцию 07.08.2021

Флоря Александр Владимирович, доктор филол. наук, профессор,
Орский гуманитарно-технологический институт,
(филиал) Оренбургского государственного университета,
462404, Россия, Оренбургская область, г. Орск, ул. Мира, 15а
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru

A.V. Florya

**MEANINGLESS, BUT NOT MERCILESS REBEL. OBJECTIVE CONTENT OF THE NOVEL “TEXT”
BY D. GLUKHOVSKY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-335-344

The article is devoted to some ideological features of the popular novel “Text” by D. Glukhovsky. The two most important concepts for the novel, noted in the title, are analyzed: the meaning of revenge and compassion for enemies (mercy). In the novel, we do not find the opposition of two worlds: the real and the virtual. The virtual world is an integral part of the real world and is built according to its rules and laws. In this novel, reality with its meanness and cruelty absolutely dominates.

Keywords: D. Glukhovsky, “Text”, reality, revenge, “Count of Monte-Cristo”.

REFERENCES

1. Gimranova Yu.A. [Gimranova Yu.A.] Grotesk v romane D. Glukhovskogo "Text" [Grotesque in the novel "Text" by D. Glukhovsky] // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya [Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature XX–XXI centuries: directions and trends] / [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grotesk-v-romane-d-glukhovskogo-tekst/viewer>. (In Russian).
2. Glukhovskiy D. [Glukhovskiy D.] Tekst: roman [Text: novel]. M.: AST, 2020. 320 s. [M.: AST, 2020. 320 p.] (In Russian).
3. Grimova O.A. [Grimova O.A.] Vizual'noye vs verbal'noye v povestvovatel'noy strukture romana D. Glukhovskogo "Text" [Visual vs verbal in the narrative structure of the novel "Text" by D. Glukhovskiy] // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 12. С. 336-339. [Tambov: Gramota, 2020. Volume 13. Issue 12. P. 336-339.] / [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-vs-verbalnoe-v-povestvovatelnoy-strukture-romana-d-glukhovskogo-tekst/viewer>. (In Russian).
4. Dmitriy Glukhovskiy stanovitsya bol'shim pisatelem, a Ol'ga Breyninger – nadezhdoy russkoy literatury [Dmitry Glukhovskiy becomes a great writer, and Olga Breininger – the hope of Russian literature]: Galina Yuzefovich – o dvukh knigakh-sobytiyakh na russkom yazyke [Galina Yuzefovich – about two books-events in Russian] / [Elektronnyy resurs] [Electronic resource]. // URL: meduza.io/feature/2017/07/01/dmitriy-glukhovskiy-stanovitsya-bolshim-pisatelem-a-olga-breyninger-nadezhdoy-russkoy-literatury. (In Russian).
5. Epshteyn M.N. Yest' li budushcheye u prichastiy budushchego vremeni? [Epshtein M.N.] [Is there a future for future participles?] // Lingvistika i poetika v nachale tret'yego tysyacheletiya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. Moskva, 24-28 maya 2007 g.) / pod red. N.A. Fateyevoy [Linguistics and poetics at the beginning of the third millennium: Proceedings of the international scientific conference (Institute of the Russian language named after V.V. Vinogradov RAS. Moscow, May 24-28, 2007) / ed. by N.A. Fateeva. S. 259–266] [Moscow: Institute of Russian Language RAS, 2007. P. 259–266] (In Russian).

Received 07.08.2021

Florya A.V., Doctor of Philology, Professor,
Orsk Humanitarian-Technological Institute, (branch of) Orenburg State University
Mira st., 15a, Orsk, Orenburg region, Russia, 462404
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru